

ким подтверждением того, что в искусстве все делается не от головы, не от образованности, а потому что есть у человека некий дар, которым он сумел правильно распорядиться. Может быть, Володя в жизни не очень соответствовал своему песенному образу. Но у него было такое глубокое проникновение в эпоху, которую он невероятно остро чувствовал... Рядом большие люди писали повести, поэмы, романы, а он был автором каких-то полузапретных песенок.

А они полагали, что уже лежат в Кремлевской стене. Но все это оказалось пищиком. Скажем, Шнур, которого власть презирает, считая матерщинником, он выражает эпоху больше, чем все то дерьмо, которое нам каждый день в изобилии впендюривают по ТВ по всем каналам сразу. И во времена свободы, оказывается, ханжество и глупость процветают с такой же силой, как и раньше. И нужно уметь устоять, видя истинно талантливого, несмотря ни на какой пиар и ни на какие обманные фонарики сбоку, слева, спереди и сзади.

О самом главном из искусств

— Уже через год после ухода из театра вы сняли свой первый фильм — «Лицо» по Исааку Бабелю. Потом были другие ленты, два года назад был снят фильм «Копейка», который, мне кажется, никого не оставил равнодушным.

— «Копейка» — картина, обращенная к очень широкому зрителю. Она широко была востребована видеопрокатом, была на третьем месте по продажам среди всех картин, в том числе и американских. Ведь рекорды по продажам у нас ставит исключительно голливудское кино. Такого результата не было ни у кого. Это был успех.

скольких матерных слов. Это Сорочкин, это Шнур. Я эти шесть слов закрыл пи-пи и один раз ее показал ТВС накануне своего закрытия, и больше ни один канал ее не покупает. Наверное, у нас все так хорошо с новым русским кино, что им эта картина не нужна. Достаточно живая, острая и веселая. Видимо, там есть что-то другое, что раздражает и мешает ее поставить в эфир.

— А какова ее фестивальная судьба?

— Приходили люди в свое время и отвергли эту картину, сказав, что им такая картина не очень интересна. А для иностранных фестивалей она не подходит, потому что она в нашем контексте, про нашу жизнь, и западному зрителю не очень понятна. Остальные мои картины были на всех фестивалях мира, получали призы и награды.

— Так же русский анекдот непереводим. Как перевести «коммунальная квартира»? Аналогов нет в европейских языках.

— Не все картины должны быть фестивальными. Мне обидно только за то, что эта картина не дошла до зрителя. И это проблема государства, совершенно не контролирующего прокатчиков.

— Кино — это деньги и прокат. Союз кинематографистов выполняет возложенные на него задачи? Отечественных кинематографистов поддерживает?

— У них есть какая-то своя задача, к которой я не имею никакого отношения. Прежде всего задача обеспечения киноначальства различными привилегиями. При этом Союз кинематографистов никого ни от чего не защитил, не спас, не сделал. Может быть, несколько пенсионерам помог наш главный киноруководитель. Ну и это все. Всегда находятся голоса, орущие, мол, не трогайте нашего барина. Страна во многом холуй-

картины людей из «ближнего круга». На позапрошлом Московском кинофестивале обильно были представлены работы друзей, родственников и приятелей самого главного кинематографиста страны. Не говорю, что все они были полным фуфлом, работы были всякие. Но впечатление все равно было странным.

— А вот на этом несколько призов получил неплохой фильм Месхиева, в котором главная женская роль чудесным образом досталась родной кровинушке Никиты Сергеевича дочке Анечке. Это у нас процветает везде, не только в кино. И если вы посмотрите, кому дают деньги на кино, то сразу все поймете. Когда в советские времена коммунисты строили для личных нужд роскошные дома, то всегда отводили в этих домах часть квартиры для шоферов и разной прочей obsługi. Чтоб можно было сказать, что и простой народ тут тоже проживает. И сегодня напрямую за хвост вы никого не схватите, но мы же все понимаем. И все те шестерки, которые сегодня трубят, все чем-то обеспечены, либо занимают какие-нибудь посты, либо кино снимают, либо сериалы.

В новом поколении уже наладился новый круг людей, сидящих вокруг кормушки.

Так было всегда. Вопрос в том, до какой степени. Сегодня до степени беспредельной.

— А в советские времена такового не было?

— Тогда были три организации, и если нельзя было действовать через Госкино, то был еще ЦК КПСС, было еще Министерство культуры. Была возможность маневра.

— Не мытьем, так катаньем?

— Именно так. А сейчас кино — это одна сплошная зона, и никого постороннего на нее не пускают.

РОМАН ШЕРШКОВ

не прошу...»

И это при том, что пираты нашу картину выпустили до нас четырьмя тиражами.

А в кинотеатрах мы шли всего две недели в системе кинотеатров «Ролан», в пяти залах, и с аншлагом. Но ведь русское кино в этой стране никому не нужно, если вас не прогнул Лужков, или Михалков, или кто-то еще. То есть если вашу картину не поставил в прокат кто-то из этих людей...

— Не сделал один звоночек...

— Да. А прокатчикам наше кино совершенно не нужно. Государство никак не поддерживает наш кинематограф. И «Копейку» я снимал на частные деньги. Вообще на мои картины государство ни копейки не давало. Только на «Черного монаха» дали какие-то гроши, оставшиеся от финансирования чего-то там. Но это был еще 1988 год. Остальное давали немцы. Я ничего не прошу и просить не собираюсь. Ничего мне это государство не дало. Ни квартиру, ни машину, ни званий, ни наград. И тем я счастлив.

— Даже копейки нет...

— Даже копейки. Только они со мной чего-то делают, а я с ними ничего не делю. Я живу не с государством, а со своей страной, которую я очень люблю.

— Реакция зрителей на «Копейку» вам известна?

— Реакция в том, что эту картину люди покупали, а многие люди смотрели картину по несколько раз, что с новыми фильмами не бывает. Масса писем приходила.

Ее не пустили в кинотеатры, не показали по телевизору из-за не-

ская. Здесь любят барина. И даже из нормального человека в течение года могут сделать барина. Целую его во все места.

— Иван, вы один из немногих людей, рискующих говорить правду о ситуации в нашем кино. Остальные просто боятся.

— Я их понимаю. Ведь то, что я говорил, не осталось безнаказанным. Просто у каждого свой выбор. Кто-то едет по асфальту, а я иду по пересеченной местности со снегом, оврагами и болотами. Имею на это полное право. Просто я дурак, который выбрал себе вот такой нехороший путь. В конце пути разберемся.

И то, что при всем нашем квасном патриотизме, мы по всем каналам и всем экранам жарим сплошное американское кино, это такой наш русский «двойной стандарт». Если бы начальники действительно волновались за действо, давно-давно ввели бы квоты на американское кино.

— Как во Франции и ряде других стран?

— Чтобы прокатчикам стало выгодно показывать наше кино. А без поддержки сверху этого не будет. Странно, когда за миллионные взятки лоббируют русский автомобиль, которого нет, и не лоббируют русское кино, которое, несмотря ни на что, существует.

Это парадокс, что государство ни черта не делает для поддержки нашего кино. Ведь это же железка, а идеология.

— Парадокс еще в том, что снимаются десятки картин, а на фестивали почему-то попадают

Можно сказать одно слово в нашей демократической стране, и вашу программу завтра с ТВ уберут. Или уберут картину из кинотеатров. Тут все четко поставлено. Так что от той советской власти отличия не столь уж велики.

— Новый проект запускать планируете?

— У меня есть три сценария, и я планирую запустить три проекта. Это непросто, пока ищу необходимые средства. Думаю, что найду. Если чего-то очень хочешь, то Провидение тебе помогает. О деталях говорить не буду, боюсь сплести. Потом, воруют не представляете как.

В 1998 году я предлагал ставить «Идиота» и «Бесов» по Достоевскому. Обещал бешеные рейтинги. Мне хохотали в лицо. Сейчас «Идиот» снят, имел колоссальный успех, снимают «Бесов». Спасибо не скажет никто.

О телевидении

— Вы были одним из руководителей РТР еще до прихода на канал команды Добродеева. Как

вы восприняли закрытие программы Парфенова?

— У меня отношение двойственное. Конечно, по профессионализму «Намедни» — одна из лучших передач на нашем ТВ. Но с одной стороны, Парфенов совершил поступок гражданский, с другой же стороны, по-человечески для меня неприемлемый.

Мы все не девочки. Но если ты Прометей и борец за свободу слова, тогда снимай свою программу с эфира и уходи с канала. Но он хотел остаться. А так не бывает. Тебя платят огромные деньги, и ты обязан своею отработать. Не нарушая при этом имеющиеся договоренности. А он их нарушил. Не думая о том, что его могут убрать. Он хотел целеть.

Я хочу сказать, что главы каналов ответственны за то время, в котором мы живем. Потому что они имеют нечеловеческое влияние на 140 миллионов российских граждан. Такого влияния, как у ТВ, нет больше ни у чего и ни у кого. И за это надо отвечать.

Дело ведь не в том, много у нас «Аншлагов» или мало. А в том,

ИЗ ДОСЬЕ

Кинорежиссер Иван Дыховичный родился в 1947 году в Москве. В 1969 году окончил Театральное училище имени Щукина по специальности «актер». С 1971 по 1981 г. — актер Театра на Таганке. Позже окончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР и работал на «Мосфильме». Всего вместе с короткометражными снял восемь фильмов, из которых наибольшую популярность получили фильмы «Черный монах» (1988), «Прорва» (1992), «Музыка для декабря» (1995) и «Копейка» (2002). В 1995 — 1999 гг. был автором и ведущим программы «Уловка-22» на телеканале РТР. В 1999 г. — ведущий тележурнала «Кино плюс ТВ», который выходил на том же телеканале. В 1999 — 2000 гг. — главный режиссер РТР.

про что мы разговариваем. И что мы создаем на будущее.

— Вы не хотели вернуться, предложений не было?

— Никогда. Никогда не предлагали, на это я и не рассчитываю. В ближайшие годы никто меня на ТВ не позовет. Но вовсе не потому, что я не могу на ТВ работать. Это не так.

— Уход свой легко переживали?

— Это не было слишком болезненно, я сразу же начал снимать «Копейку». Я работал на ТВ, когда денег было гораздо меньше, чем сейчас. Но мы делали достойное ТВ. Меня потом звали на ТВС делать другое ТВ, совершенно не диссидентское, но времена изменились, и никто нам этого сделать не дал.

На темы семьи и светской жизни

— Многие искренне убеждены, что корреспондент «Эха Москвы» Алексей Дыховичный — это ваш сын?

— Нет, это мой двоюродный племянник. У меня двое детей. Один ребенок живет со своей матерью в Великобритании, заканчивает там школу, другой, Дмитрий, замечательный художник, творческий человек. Я его очень люблю. Он, кстати, снимался в моих картинах «Музыка для декабря» и «Прорва».

— Иван, знаю, что вы курите трубку. Есть коллекция, как у Ширвиндта?

— Я не коллекционер, не люблю

ничего собирать. Просто курю трубку, которая мне нравится. Теряю ее иногда. Я не отношусь к этому как к выражению чего-то внешнего. Просто люблю курить трубку. Без каких-либо понтов.

— Из спиртного водку предпочитаете?

— (Сделавши большой глоток из фужера с какой-то прозрачной жидкостью, маститый кинорежиссер отвечает так): «Именно ее, сердечную. Очень люблю нашу водку и все то, чем ее принято закусывать. Пью самые простые водки типа «Алтая». Вообще водку могу пить любую, но предпочитаю хорошую».

— Хобби кроме кино имеется?

— Сколько угодно. Есть три собаки охотничьих пород. Есть спортивные машины, на которых я очень люблю ездить. Есть горные лыжи, на которых я катаюсь с шести лет. Получаю от этого огромное удовольствие.

— Ох, Иван, какой же вы правительный вид спорта выбрали, очень, очень все продумано.

— Да, и наконец-то я дождался, что со мной совпал руководитель государства. В моей любви к лыжам. Но не думаю, что через это мы сможем с ним сблизиться.

— Сейчас многие боятся повторения дефолта. Деньги где храните предпочитаете?

— Я предпочитаю их тратить, поэтому у меня нет страха перед банковскими кризисами. Я зарабатываю приличные деньги, но сразу же их трачу. У меня ничего нет на черный день. Такой вот принцип жизни.